

В.Н. Ярхо

ТРАГЕДИЯ ЕВРИПИДА «ЭРЕХФЕЙ»*

В зарубежном антиковедении нет, кажется, ни одной сколько-нибудь серьезной книги по истории древнегреческой драмы и тем более специально об Еврипиде, ни одной статьи, где бы шла речь о его общественных взглядах во время Пелопоннесской войны и о представленном в ряде его трагедий мотиве патриотического самопожертвования, в которых так или иначе не привлекалась бы сохранившаяся только в фрагментах трагедия «Эрехфей».

Иначе обстоит дело в России. Не приходится удивляться, что для «Эрехфея» не нашлось места в университетских учебниках С.И. Радцига и И.М. Тронского: при наличии 17 дошедших целиком трагедий Еврипида дай бог в пределах университетского курса истории античной литературы проанализировать хотя бы половину из них. Но и в более обширной академической «Истории греческой литературы» и в специальной работе об Еврипиде Т. Гончаровой трагедия «Эрехфей» явно обойдена вниманием. Так, в первой из них в связи с «Ифигенией в Авлиде» сообщается, что принесение в жертву девушки ради спасения города «упоминалось» (!) в трагедии «Эрехфей»¹, в то время как это событие являлось в ней центральным и сюжетообразующим. В другом месте (с. 405) пересказывается несколько строк из монолога Праксифей, о котором речь пойдет ниже. Автор книги «Еврипид» Т. Гончарова полагает, что «Эрехфей», так же как «Эгей», был поставлен после заключения Никиевого мира в 421 г.², хотя в отношении первой трагедии это отнюдь не бесспорно (о датировке см. ниже), а вторую большинство исследователей склонно относить к концу 40-х – середине 30-х годов V в. По-видимому, давно пришло время сделать «Эрехфея» более доступным широкой аудитории антиковедов, тем более что посвященная ему специальная литература в наших библиотеках, как правило, отсутствует³.

* Пользуюсь случаем выразить глубочайшую благодарность моим зарубежным друзьям и коллегам, снабдившим меня необходимыми ксерокопиями: Яну Партину Бреммеру и профессорам Стефану Радту (Нидерланды), Рудольфу Касселю (ФРГ), Дарио дель Корно и Энцо Дегани (Италия). Без их помощи настоящая статья никогда не могла бы быть написана.

¹ История греческой литературы. Т. 1. М., 1946. С. 396.

² Гончарова Т. Еврипид. М., 1986. С. 170.

³ Ниже следует перечень литературы, на которую далее даются ссылки только по имени автора (издателя):

А. Издания текста: *Austin C. De nouveaux fragments de l'Erechthée d'Euripide. Recherches de Papyrologie. V. IV. P., 1967. P. 11–67; idem. Nova fragmenta Euripidea in papyris reperta. B., 1968. P. 23–40* (по этому изданию далее дается нумерация фрагментов); *Carrara P. Euripide. Eretteo. Introduzione, testo e commento. Papiri Florentini. III. Firenze, 1977; Cropp M.J. // Euripides. Selected Fragmentary Plays. V. 1 / Ed. with Introductions, Transl. and Comm. by C. Collard, M.J. Cropp and K.H. Lee. Warminster, 1995. P. 148–194. Aélion R. Quelques grandes mythes héroïques dans l'oeuvre d'Euripide. P., 1986. P. 198–215.*

Б. Литература (по алфавиту): *Bingen J. Euripide. Erechthée, vers 84 // ChE. janvier 1968. V. XLIII. N 85. P. 156–158; Calder W.M. The Date of Euripides' Erechtheus (sic!) // GRBS. 1969. 10. P. 147–156; Carrara P. Note all'Eretteo di Euripide, fr. 50 Austin. V. I. Sileno. 1975. P. 70–74; Clairmont Ch. Euripides' Erechtheus and the Erechtheion // GRBS. 1971. 12. P. 485–493; O'Connor-Fisser E.A.M.E. Aspects of Human Sacrifice in the Tragedies of Euripides. Amsterdam, 1987. P. 148–176; Di Benedetto. Pathos tragico ed interessi politici nell' Eretteo di*

По поводу датировки «Эрехфея» исследователи сломали немало копий, с моей точки зрения, совершенно напрасно. Есть вполне однозначное свидетельство Плутарха в жизнеописании Никия (гл. IX. 7), что во время годичного перемирия между афинянами и спартамцами (оно было заключено весной 423 г. и продолжалось до начала летней кампании 422 г. – Фукидид. IV. 117–119; V.1) они часто встречались друг с другом, желали жить в дальнейшем без обоюдного кровопролития и с удовольствием слушали, как хор поет: «Пусть бы копые, паутиной обвитое, вечно лежало...». Правда, Плутарх не сообщает названия произведения, из которого взят этот стих, но у Стобея он сохранился в начале более обширной хоровой партии с указанием на ее заимствование из «Эрехфея» (см. ниже фр. 60). Единственным местом, где и афиняне и спартамцы могли бы услышать этот хор, были Великие Дионисии 423 или, скорее, 422 г. К этому времени по высказанным выше или по каким-либо другим соображениям и относят «Эрехфея» большинство исследователей⁴. Следует, впрочем, отметить, что разница в один год ничего не меняет ни в реконструкции содержания трагедии, ни в оценке общественной позиции Еврипида. Ясно, что «Эрехфей» был создан в последние годы Архидамовой войны и тематически примыкал к той героико-патриотической линии его творчества, которая среди сохранившихся трагедий представлена от «Гераклидов» до «Ифигении в Авлиде». Также ясно, что нет никакого резона хронологически увязывать «Эрехфея» с постройкой Эрехфейона, поскольку время, когда она началась, неизвестно, и исследователи расходятся в датах от 432 до 419–418 годов⁵.

В дальнейшем эта трагедия пользовалась, судя по всему, достаточной известностью.

Возможно, что ее содержанием навеяна роспись на краснофигурной пелике, найденной в 1963 г. в Южной Италии близ Гераклеи и датированной двумя последними десятилетиями V в.⁶ Если толкование рисунка верно, то оно лишний раз подтверждает популярность Еврипида в Великой Греции уже при его жизни. Во всяком случае в 30-х годах следующего, IV в., Ликург в речи против Леократа полностью цитирует упоминавшийся выше монолог Праксифей (см. ниже фр. 50). К середине III в. относится папирус из Сорбонны (см. ниже). Несколько десятилетий спустя «Эрехфея» переделывает для римской сцены Энний⁷. Затем свидетельства переносят нас уже в эпоху Ранней империи: Лукиан дважды вспоминает Эрехфея в качестве персонажа,

Euripide. Alcune note al fr. 65 A dell'Eretteo di Euripide // Omaggio a Ed. Fraenkel. Roma, 1968. P. 70–79, 80–87; *idem*. Euripide: teatro e società. Torino, 1971. P. 144–153; Diggle J. Notes on the Erectheus (sic!), Cresphontes and Oedipus of Euripides. *Miscellanea Papyrologica*. Firenze, 1980. P. 57–59; Goossens G. Euripide et Athènes. Bruxelles, 1962. P. 468–477; Kamerbeek J.C. Remarques sur les fragments de l'Erechthée d'Euripide // *Mnemosyne*. 1970. 23. P. 113–126; *idem*. En relisant les fragments de l'Erechthée d'Euripide // *Fragmenta dramatica. Beiträge zur Interpretation der griechischen Tragikerfragmente*. Göttingen, 1991. S. 111–116; Lacore M. Euripide et le culte de Poseidon-Erechthée // *REA*. 1983. 85. P. 215–234; Martínez Díez A. Reconstrucción del Erecteo de Euripide // *Emerita*. 1975. 43. P. 207–239; 1976. 44. P. 1–20; Mette H.J. Euripides // *Lustrum*. 1968. XIII. S. 112–118; 1969. XIII. S. 128 f.; Prestipino L. L'Eretteo di Euripide e il tempio dell' Erechteion // *Zetesis*. 1989. IX. P. 11–39; Treu M. Der euripideische Erechtheus als Zeugnis seiner Zeit // *Chiron*. 1971. 1. S. 115–131; Van Looy H. L'Erechthée d'Euripide // *Hommages à M. Delcourt*. Bruxelles, 1970. P. 115–122; Webster T.B.L. The Tragedies of Euripides. L., 1967. P. 127–130; Wilkins J. The State and the Individual: Euripides' Plays of Voluntary Self-sacrifices // *Euripides. Women and Sexuality* / Ed. A. Powell. L., 1990. P. 117–194.

Недоступной оказалась мне кн.: Aélion R. Quelques grandes mythes héroïques dans l'oeuvre d'Euripide. P., 1986. где с. 198–215 посвящены анализу «Эрехфея».

⁴ 422 г.: Aélion, 199; Calder; Clairmont; O'Connor-Fisser, 151; Cropp, 155; Webster, 127.

422–423 гг.: Carrara, 13–17; Goossens, 468; Lacore, 218; Prestipino, 12.

423 г.: Hoffmann H. Chronologie der altattischen Tragödie. Diss. Hamburg, 1951. S. 77; Austin (1968), 22; Di Benedetto (1968), 78; Mette (1967), 112; Treu, 131.

⁵ Clairmont, 488 f.; O'Connor-Fisser, 151; Cropp, 155; Prestipino, 16 s.; Treu, 124 s.

⁶ Weidaer L. Poseidon und Eumolpos auf einer Pelike aus Polikoro // *Die Kunst*. 1969. 12. S. 91–93. Несколько неожиданное толкование рисунка у Aélion, 214.

⁷ Fr. 140–146 in: Warmington E.H. Remains of Old Latin. V. I. Camb. Mass. – L.

входящего в репертуар современных ему драматических актеров и пантомимов⁸. Мало вероятно, чтобы во II в. н.э., когда как раз производили отбор произведений трех великих трагиков, исходя из читательских симпатий и нужд школы, извлекли из небытия совершенно забытую трагедию. Скорее надо предположить обратное: она сохраняла известность на протяжении всех веков от Энния до Лукиана. Однако в число девяти отобранных (не считая подложного «Реса») и еще восьми, случайно уцелевших трагедий Еврипида⁹ «Эрехфей» не вошел, и до середины 60-х годов нашего века он был представлен 25-ю фрагментами общим объемом около 130 стихов, причем львиную долю составляли два больших монолога соответственно в 55 и 34 стиха. Первый из них – уже упоминавшийся фр. 50 из речи Ликурга, второй сохранился у Стобея (III.3.8 – см. ниже фр. 53) вместе с еще 10 отрывками, преимущественно назидательного характера. Разумеется, уже в прошлом веке и в начале нашего все фрагменты были тщательно изучены и использованы для (не всегда удачных) реконструкций в капитальных трудах Велькера и Хартунга¹⁰, а также в ряде статей, число которых, впрочем, не достигало десятка. Своего рода итогом работы, проделанной за 100 лет, можно считать страницы, отведенные «Эрехфею» в «Истории греческой литературы» В. Шмида¹¹.

С середины 60-х годов интерес к «Эрехфею» значительно возрос, благодаря публикации большого папирусного текста, извлеченного 19 сентября 1962 г. группой студентов под руководством Андре Батайя из картонажа мумии, хранящейся в Сорбонне (P. Sorb. inv. 2328) и уже давшей нам фрагменты из менандровского «Сикионца»¹². Текст на папирусе записан ок. 250 г. до н.э. и является, таким образом, наряду с большим отрывком из финала «Антиопы», одним из древнейших крупных папирусных текстов Еврипида и древнегреческой трагедии вообще. Новая находка была спустя пять лет образцово издана Колином Остином, а еще через год вошла вместе с ранее известными фрагментами в подготовленное им же небольшое, но очень полезное издание (см. прим. 3 А)¹³.

Прямых совпадений нового папируса с уже известными фрагментами Еврипида первоначально обнаружено не было. Однако принадлежность его к «Эрехфею» Еврипида определяется тем, что: 1) в тексте названы имена Эрехфея и Евмолпа, а также содержится указание на принесение в жертву девушки ради спасения города; 2) ни у какого другого афинского трагика не известна трагедия об Эрехфее; 3) появление Афины в роли *deus ex machina* и стиль ее речи выдают авторство Еврипида; 4) ст. 44 представляется прототипом фр. 144 Энния, который мог заимствовать сюжет и развитие действия в трагедии опять же только у Еврипида. Если нужны были дополнительные доказательства, то их вскоре представил Камербик (*Remarques...* p. 122), установивший, что ранее известный фр. 52 вполне соответствует началу ст. 21 в новом папирусе (фр. 65); его поддержали в этом Каррара и Кропп.

Четыре папирусных отрывка, высвобожденные из картонажа, представляют собой, вместе взятые, восемь колонок, сохранившихся очень неравномерно. От кол. I–II уцелели верхние части примерно по 10–11 стихов, при том, что смысл пострадавших строк в общем ясен, а от третьей дошли только остатки 9 стихов (конечные

⁸ Лукиан. О пляске, 40; Менипп, или Путешествие в подземное царство, 16.

⁹ Euripide. T. I / Ed. par L. Méridier et L. Parmentier. P., 1950. P. XX sq.; Lesky A. Die tragische Dichtung der Hellenen. 3. Aufl. Göttingen, 1972. S. 281 f.

¹⁰ Welcker F.G. Die griechische Tragödien. Bonn, 1839. S. 717–725; Hartung I.A. Euripides restitutus. Bd I. Hamburg, 1843. P. 465–476.

¹¹ Schmid W. Geschichte der griechischen Literatur. Bd III. München, 1940. S. 428–430. Обзор предшествующей литературы см. Van Looy, 118–120.

¹² См. Менандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982. С. 210–225, 481–488; Тронский И.М. «Сикионец» Менандра // ВДИ. 1966. № 4. С. 54–67. Последнее известное мне издание: Menandro. Sicioni / Introduzione, testo e commento. A cura di A.M. Bellardinelli. Bari, 1994.

¹³ Незнакомый Еврипид. Трагедии интриги и случая. Пер. с др.-греч. и коммент. В.Н. Ярхо // ВДИ. 1996. № 1. С. 228–230.

1–2 стопы) из ее нижней половины. Также нижняя половина сохранилась от кол. IV (10 стихов), но в значительно лучшем состоянии. К ней примыкают кол. V–VIII, дающие непрерывный текст; при этом начало ст. 47–52 (по сплошной нумерации Остина) оборвано, а от кол. VIII дошло только по одной начальной стопе от 19 стихов. Между I и II, III и IV колонками неизбежно приходится постулировать лакуны примерно по 10 стихов, между II и III – потерю 5 колонок в среднем по 20 стихов, т.е. всего около сотни стихов. Таким образом, вместе с ранее известными фрагментами количество дошедших до нас полностью и более или менее надежно восстанавливаемых стихов из «Эрехфея» перешагнуло за две сотни.

Новая находка, само собой разумеется, привлекла внимание исследователей и нашла отражение как в изданиях, так и достаточно многочисленных статьях¹⁴. Попытаемся и мы предложить здесь реконструкцию трагедии «Эрехфей» вместе с переводом и комментариями сохранившихся фрагментов.

При этом надо помнить, что всякая реконструкция недошедшей драмы требует большой осторожности. Даже две с лишним сотни стихов из «Эрехфея» составляют не более чем одну шестую (а то и меньшую) часть всей трагедии¹⁵. Такой опытный исследователь и знаток древнегреческой драмы, как Камербик, справедливо отмечает, что мы не можем ответить на множество вопросов, связанных с развитием действия, и свои собственные предложения называет «чисто гипотетическими», а всю реконструкцию в целом – «весьма умозрительной» (*En relisant...* p. 111, 115–116). В этой связи остается только позавидовать оптимизму Лючии Престипино, полагающей, что доступные нам фрагменты позволяют «с достаточной точностью восстановить основные линии трагедии» (*L'Eretteo...* p. 11 f). Возникает вопрос, что считать основным, а что – второстепенным?

В любом случае следует отвергнуть попытку построить сценарий «Эрехфея» с точностью до одного стиха, предпринятую Мартинесом Диесом (1976, 20–22). Так, например, вывод «средний» объем пролога в трагедиях Еврипида в 110,7 стиха, парода – в 56 стихов, и так далее до эксода, который должен насчитывать в среднем 268,8 стихов. Мартинес Диес уверен, что в «Эрехфее» пролог занимал 111 стихов, парод – 51, а эксод располагался точно между стихами 1103 и 1378 (не «примерно 1380», а именно 1378!). Занимаясь этой статистической игрой, Мартинес Диес противоречит сам себе: именно то обстоятельство, что размер пролога колеблется от 41 до 183 стихов, а эксода – от 128 в «Гераклидах» до 418 в «Медее», при том, что поставлены они с интервалом в один год, показывает, как опасно применительно к художественному произведению заниматься беспредметной экстраполяцией¹⁶. Но и отвлекаясь от таких попыток с негодными средствами, достаточно сказать, что по целому ряду вопросов, связанных с реконструкцией, между исследователями нет единства мнения – конкретные примеры этого читатель найдет при обсуждении отдельных фрагментов.

Реконструкцию всякой недошедшей трагедии принято начинать с лежащего в ее основе мифа. С «Эрехфеем» эта методика себя не оправдывает, так как до Еврипида в греческой литературе не обнаруживается сказания об Эрехфее как некоего законченного целого.

Впервые имя Эрехфея упоминается уже в гомеровском эпосе. В «Одиссее» (VII. 79–81) Афина направляется в «прочный дом» Эрехфея, т.е. в построенный еще при нем дворец, где Эрехфею как местному герою воздавались почести наравне с богиней-покровительницей. В «Илиаде» (II.546–551, в стихах, которые до недавнего

¹⁴ См. прим. 3. К указанным там изданиям следует прибавить еще одно, известное мне только по библиографии: *Martínez Díez A. Eurípides: Erecteo*. Madrid – Granada, 1976. Я не думаю, однако, чтобы оно содержало что-либо принципиально новое по сравнению со статьями издателя, опубликованными незадолго до того (см. прим. 3 В).

¹⁵ Объем близких к «Эрехфею» по времени трагедий Еврипида: «Гекуба» – 1295, «Андромаха» – 1288, «Молящие» – 1234 стиха.

¹⁶ См. *O'Connor-Fisser*, 173 f.

времени считали афинской вставкой), об Эрехфее, названном «землерожденным», говорится, что Афина ввела его в свой храм, т.е. тоже подчеркивается их объединение в культе. Что касается определения *γῆγενής*, употребляемого применительно к Эрехфею также Геродотом (VIII.55) и Софоклом («Аякс», 202), то оно является скорее всего результатом смешения Эрехфея с Эрихфонием (*Ἐριχθῆνιος*), в чьем имени более отчетливо проявляется связь с землей (*χθών*) и автохтонным положением афинян¹⁷. Для писателей V в. Эрехфей – вполне историческое лицо, один из древних афинских царей, то ли прямой наследник Кекропа (Геродот. VIII. 44), то ли отделенный от него четырьмя поколениями¹⁸. Афиняне как его потомки закономерно называются Эрехф(е)идами, потомками Эрехфея¹⁹. Генеалогия же самого Эрехфея до конца V в. остается очень неустойчивой²⁰. Единственное связанное с Эрехфеем событие – война с элевсинцами (Фукидид. II.15.1)²¹, которую многие современные историки считают отражением давнего противостояния между Элевсином и Афинами²². Согласимся, что всего этого мало для целой трагедии.

Что касается войны с элевсинцами, то их предводителем традиция почти единогласно называет Евмолпа, сына Посидона²³; в ряде источников, начиная с IV в., имя этого Евмолпа связывается с фракийцами, а его вмешательство в войну объясняется готовностью вернуть своему отцу Посидону господство над Аттикой, утраченное в результате известного спора с Афиной²⁴. Существовала ли на этот счет какая-нибудь местная афинская традиция, не известная нам до Еврипида, или умолчание в «Эрехфее» об участии на стороне Евмолпа элевсинцев и прямое противопоставление афинянам фракийцев является нововведением Еврипида? Прямого ответа на этот вопрос нет, но более вероятным можно считать второе предположение, если опираться на приводимое ниже свидетельство 5, заимствованное из Псевдо-Аполлодора. Верность автора «Мифологической библиотеки» содержанию недошедших трагедий подтверждалась неоднократно, а конфликт между афинянами и варварами-фракийцами был совершенно в духе мировоззрения Еврипида, отражавшего в данном случае официальную идеологию²⁵. Во всяком случае в «Эрехфее» об элевсинцах нет ни слова, и в сообщении папирусного схолия к приведенному выше месту из Фукидида²⁶ явно смешаны традиционная и еврипидовская версии.

Зато с большим основанием можно утверждать, что мотив жертвоприношения дочери Эрехфея как условие победы над врагом принадлежит Еврипиду, разрабатывавшему эту тему, как уже говорилось выше, на протяжении всей Пелопоннесской войны. Если впоследствии появляются варианты в количестве дочерей Эрехфея, в том

¹⁷ Является ли имя *Эрехфей* сокращенной формой от имени «*Эрихфоний*» (см. *Lacore*, 228), – в данном случае значения не имеет, так как Еврипида хтоническое происхождение Эрехфея совершенно не интересовало, он писал трагедию человека, а не бессмертного бога. В «Ионе» о рождении из земли говорится только применительно к Эрихфонию (ст. 20, 100, 267 сл., 1466).

¹⁸ *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Philadelphia, 1942 (repr. 1965). P. 12.

¹⁹ *Soph.*, *Ajax* 202; *Antig.* 982; *Eurip.* *Med.* 824; *Hipp.* 151; *Suppl.* 387, 681. sq., 702; *Her. F.* 1166; *Ion* 24–26, 260 sq., 469 sq., 1056–1060; *Phoen.* 852; *Aristoph.* *Equ.* 1015, 1034; *Dem.* LX. 27.

²⁰ RE VI. 1. 1907. 404–411 (s.v. *Erechtheus*); *Aélion*, 199.

²¹ См. также *Paus.* I.5.2; 36.4; VII. 1.2–5, и ниже, свидетельства 1–5.

²² *Picard Ch.* Les luttes primitives d'Athènes et d'Eleusis // *R. Hist.* 1931. № 166. P. 9–42; *Schachermeyer F.* Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950. S. 158 folg.; *Simms R.M.* Eumolpus and the Wars of Athens // *GRBS.* 1983. V. XXIV. P. 197–208 (автор почему-то отделяет вторжение фракийцев, которому противостоял Эрехфей, от более поздней войны, связанной с поражением Евмолпа).

²³ Отступление от традиции – у Павсания (I.5.2; 27.4; 38.3), где элевсинцев возглавляет сын Евмолпа и племянник Посидона Иммарад, и у Гелланика, фр. 40, где сын Посидона носит имя Форбант. Оба этих имени – в схолиях к «Финикиянкам», 854.

²⁴ *Isocr.* XII. 193; см. также ниже свид. 6 и статью: *Carrara P.* L'Eretteo di Euripide e il. fr. 119. J. di Ecateo // *Prometheus.* 1975. I. P. 124–130.

²⁵ *Treu*, 116 f.; *Aélion*, 200 sq.

²⁶ Fr. 63 = P. Оху. 853, col. X («элевсинцы с Евмолпом... в "Эрехфее" Еврипида»).

числе принесенных в жертву, и в их именах, то это можно отнести на счет развивающейся традиции²⁷.

Обратимся теперь к отчасти уже упоминавшимся свидетельствам.

Наиболее близкое к Еврипиду по времени – речь Ликурга против Леократа, гл. 98. Взывая к примеру предков, проявивших свое благородство в служении родине и приводя наряду с другими примерами речь Праксифея (см. ниже фр. 50), Ликург предваряет ее следующими словами: «Рассказывают, что Евмолп, сын Посидона и Хионы, явился в эту страну (т.е. в Аттику. – В.Я.) с войском фракийцев, предъявляя на нее свои права. Однако как раз в это время царствовал здесь Эрехфей, женатый на Праксифее, дочери Кефиса. Так как большое войско намеревалось изгнать их из страны, царь, отправившись в Дельфы, стал спрашивать у бога, что надо сделать для победы над врагами. Бог дал ему прорицание, что он одолеет врагов, если принесет в жертву дочь до того, как сойдутся оба войска; повиновавшись богу, Эрехфей сделал это и изгнал из страны тех, кто пошел на нее войной. Поэтому справедливо было бы похвалить Еврипиду, что... он выбрал для обработки эту историю» (свид. 1).

Примерно в тех же словах излагается содержание трагедии со ссылкой на несколько загадочного автора по имени Демарат (RE IV. 1901. Sp. 2706) у Стобея (Антология, 39, 33): «Когда афиняне вели войну против фракийского царя Евмолпа, стоявший во главе Аттики Эрехфей получил пророчество, что он победит врагов, если принесет в жертву Персефоне старшую из дочерей. Вернувшись в Афины, он сообщил своей жене Праксифее пророчество, возвещенное пифийским Аполлоном. Затем, подведя девушку к алтарю, заколол ее и, вступив в войну, вышел из нее с победой» (свид. 2).

Сходные версии находим еще у двух авторов I–II вв. н.э.

Плутарх. Моралии. 310d: «Эрехфей, воюя против Евмолпа, узнал, что победит, если принесет в жертву дочь, и, получив согласие Праксифеи, принес дочь в жертву. Упоминает об этом Еврипид в "Эрехфее" (свид. 3).

Элий Аристид (1, р. 191 Dind.): «Говорят, что в этой войне против Евмолпа Эрехфей отдал дочь ради города, повинуюсь прорицанию бога, и мать подвела ее (к алтарю), украсив, как для священного посольства» (свид. 4).

Добавим к приведенным свидетельствам еще два из мифологических компендиев примерно того же времени.

Псевдо-Аполлодор. Мифологическая библиотека. III.15.4: «Хиона сошлась с Посидоном и тайно от отца родила Евмолпа. Чтобы не быть разоблаченной, она бросает дитя в море. Но Посидон, подобрав его, переносит в Эфиопию и отдает на воспитание Бенфесикиме, своей дочери от Амфитриты. Когда Евмолп вырос, супруг Бенфесикимы выдает за него замуж одну из двух своих дочерей. Но тот пытается насильно овладеть сестрой жены и, изгнанный за это, является вместе со своим сыном Исмаром к царю фракийцев Тегирию, который выдает свою дочь замуж за сына Евмолпа. Однако впоследствии Евмолпа разоблачают как злоумышляющего против Тегирия, он бежит к элевсинцам и становится их другом. После смерти Исмара, Евмолп, призванный Тегирием, снова возвращается к нему, возобновляет старую вражду с ним и захватывает царскую власть. Когда возникла война между афинянами и элевсинцами, то призванный ими Евмолп с большим войском фракийцев сражался на их стороне. Эрехфею же, спрашивавшему совета у бога, как афинянам победить, тот предсказал, что царь выиграет войну, если заколет одну из дочерей. И, когда он заколол младшую, то покончили с собой и остальные. Как говорили некоторые, они поклялись друг другу погибнуть всем вместе. Когда после заклания завязалось сражение, Эрехфей убил Евмолпа, а Посидон сразил Эрехфея и разрушил его дом» (свид. 5).

²⁷ Начало ей положил сам Еврипид. Когда ему в «Ионе» понадобилась Креуса, он сделал ее четвертой дочерью Эрехфея и объяснил ее спасение тем, что во время гибели трех старших сестер она была еще грудным младенцем. См. ст. 277–282; *Demad.* Dodecaet. 37, и ниже свид. 5–7. Ср. также *Cic. Pro Sestio*. XXI. 48; *De fin.* V. 22, 62; *Nat. deor.* III. 19; *Tusc.* I. 48, 16; *Ovid. Met.* VI. 679 sq.

Гигин. Мифологические рассказы. № 46: «1. У Эрехфея, сына Пандиона, были четыре дочери, которые поклялись друг другу покончить с собой, если одну из них постигнет смерть. 2. В это время Евмолп, сын Нептуна, явился с целью завоевать Афины, утверждая, что земля Аттики принадлежала его отцу. 3. Так как он был побежден с войском и убит афинянами, Нептун потребовал от Эрехфея принести ему в жертву дочь, чтобы тот не радовался смерти его сына. 4. Итак, когда дочь Хфония была принесена в жертву, остальные, верные клятве, покончили с собой. Сам же Эрехфей по просьбе Нептуна был поражен молнией Юпитера» (свид. 6). Ср. также в № 238. (О тех, кто убил своих дочерей): «Эрехфей, сын Пандиона, по жребию (заколел) Хфонию ради афинян; остальные ее сестры сами бросились со скалы».

Наконец, наиболее неожиданный, но в одном пункте очень важный мотив вносит в наши свидетельства рассказ из «Лексикона» Фотия под словом *παρθένου*: «Про дочерей Эрехфея рассказывают с почтением так. Было их числом шесть: старшая – Протогения, вторая – Пандора, третья – Прокрида, четвертая – Креуса, пятая – Орифия, шестая – Хфония. Из них, говорят, Протогения и Пандора отдали себя на заклятие ради своей страны, когда из Беотии пришло войско. А закланы они были на холме, называемом Гиакинфовым, над Сфендониями. Поэтому они так и зовутся девушками-Гиакинфидами, о чем свидетельствует Фанодем (FGrHist 325, F 4) в пятой книге "Аттиды", упоминающая о почете, которым они пользуются, и Фриних в "Монотропе" (фр. 30)» (свид. 7).

Сопоставляя между собой приведенные свидетельства, мы можем сделать следующее заключение.

Началом всех событий является война афинян с чужеземным войском под предводительством Евмолпа; везде, где названо его имя (т.е. кроме свид. 7), он является сыном Посидона. В свид. 1 и 5 указана и его мать – Хиона («снежная»), дочь Борея; в свид. 5 к этому добавлена целая история о том, как Евмолп находился в изгнании у фракийцев, был изгнан и оттуда и нашел прибежище у элевсинцев, а потом вернулся к фракийцам и захватил царскую власть. Этим объясняется, почему он во главе фракийцев явился на помощь элевсинцам. Больше ни в одном из свидетельств элевсинцы как противники афинян не упоминаются, что указывает на длительное влияние еврипидовской версии. Дважды (свид. 1 и 2) названы фракийцы, один раз – беотийцы (свид. 7). Из свид. 1, 2, 4, и 5 следует, что Эрехфей получил приказание от Аполлона принести в жертву дочь, в свид. 3 это молчаливо предполагается («узнал»). В свид. 6 события излагаются иначе: Эрехфей принес-де дочь в жертву уже после боя, где погиб Евмолп, по требованию Нептуна, а сам по его же просьбе был сожжен молнией Юпитера. О гибели Евмолпа в сражении – также в свид. 5; в остальных она предполагается сама собой. Есть расхождения в том, какую из дочерей принес в жертву Эрехфей (старшую – свид. 2, младшую – свид. 5; две из шести отдали себя на заклятие на Гиакинфовом холме – свид. 7) и кто непосредственно совершил обряд, – сам Эрехфей (свид. 2, 3, 5) или Праксифей (свид. 4). Об ее отношении к жертвоприношению, кроме Ликурга (свид. 1), сообщают достаточно скупо: в свид. 2 и 3 речь идет скорее о ее пассивном согласии. Наконец, только свид. 5 и 6 упоминают о совместной клятве и самоубийстве остальных дочерей. Посмотрим теперь, в какой мере эти сведения помогут нам в реконструкции содержания трагедии.

Первым из сохранившихся фрагментов по ходу действия большинство исследователей считает фр. 39:

... спас и укрыв в пределах Эфиоповых...

Речь шла о новорожденном Евмолпе (см. свид. 5), и произносил эти слова в прологе Посидон. В какой мере восходят к Еврипиду остальные подробности, сообщаемые у Аполлодора, остается под вопросом. Возможно, что пребывание Евмолпа во Фракии могло быть использовано поэтом, чтобы объяснить появление фракийцев в Аттике. Как теперь видно из Сорбонского папируса (фр. 65), заключительный монолог принадлежал Афине, стало быть, в «Эрехфее» был использован тот же прием, что раньше –

в «Ипполите» и позже – в «Ионе»: обрамление действия монологами двух богов. К рассказу Посидона надо, вероятно, отнести и два слова, обнаруженные не так давно в берлинской рукописи Фотия: «... брак незаконный» (фр. 61). Бог объяснял, почему Хиона подбросила новорожденного: она хотела скрыть от отца свою добрачную связь.²⁸

Спрося богов, войну начнут разумные, –
А против воли их не поведут войска (фр. 42).
Никто не уцелел в войне несправедливой (фр. 43).
То справедливо почитать, что нажито.
Богатство, грабежом приобретенное,
Не будет прочным (фр. 44).

Сюда же по ассоциации можно присоединить еще один стих:

Фр. 42 и 43 совпадают с мыслями, нашедшими отражение в других патристических трагедиях Еврипида; фр. 44 и 55 повторяют общую мысль, сформулированную еще Гесиодом и Солоном²⁹. Едва ли можно сомневаться, что все четыре фрагмента принадлежали Эреxfею. Вопрос лишь в том, где и как они произносились: в монологе после речи Посидона (тогда их надо отнести к прологу) или в споре с вестником, которого прислал Евмолп, – такую сцену по образцу «Гераклидов» и «Молящих» постулируют многие исследователи³⁰. Тогда в фр. 44 и 55 Эреxfей противопоставляет честный труд афинян грабительским поползновениям фракийцев. Вестнику же они отдают стих: «Большой корабль надежнее, чем утлый челн» (фр. 45) – вестник якобы угрожает Эреxfею, ссылаясь на численное превосходство фракийцев, на что царь возражает:

Хвалю, пусть мало их, а не дурных толпу (фр. 46).

Там, думаю, живут себе все варвары
Безрыбными³².

Следующий повод для противоречивых гипотез дают еще два отрывка.

... На голой спят земле
И ног не моют вовсе ключевой водой (фр. 58).

В первом из них речь идет, конечно, о жрецах из Додоны: из этого иногда делают

²⁹ Ex. gr.: Supp. 594–597; Hes. Op. 289–292, 308, 320–326, 352; Solo, fr. 13, 7–13 W; ср. ниже фр. 53, 11–13.

³¹ Перевод по дополнению Hense: $\langle \epsilon\sigma\theta\lambda\omicron\upsilon\varsigma \ \epsilon\gamma\acute{\omega} \rangle$.

³² Безрыбными – ἀπὶ χθους = οἱ μὴ ἐσθλόντες ἰχθῦς (*Eusth.* Od. 1720. 26).

вывод, что Эреxfей посетил также прорицалище Зевса в Додоне³³. Ничего невозможного в этом нет, но, поскольку ни одно свидетельство не подтверждает факт двойного паломничества, оно остается чисто предположительным. Другие исследователи вовлекают в историю Эреxfея фиванского пророка Тиресия: это он-де вернулся из Додоны с приказанием от бога³⁴. Кропп, справедливо критикуя это объяснение, предлагает свое, не более обоснованное: Эреxfей называет якобы Додону в качестве возможного святилища принесенной в жертву дочери (с. 184).

Еще дальше простираются гипотезы в отношении второго фрагмента. Метте (с. 114) вспоминает в этой связи поговорку, возникшую от того, что фиванцы бросили в котел с кипящей водой додонскую жрицу, влюбившуюся в одного из феоров. Но причем здесь фракийцы? Каррара (с. 60), ссылаясь на Павсания (I. 36.4), полагает, что «осквернением» додонского дуба надо считать гибель от рук афинян воевавшего на стороне элевсинцев додонского пророка Скира. Поскольку, однако, у Еврипида участие элевсинцев в конфликте исключается, не остается места и для Скира.

Как бы то ни было, уже в прологе Эреxfей должен был сообщить о полученном им прорицании, после чего следовало ожидать выхода хора – парода. Как показывает фр. 60, хор состоял из афинских старцев, содержанием же их вступительной песни могла быть реакция на известие о паломничестве Эреxfея. Вернулся ли царь? Правда ли, что он принес такое страшное пророчество? Для сравнения можно привести пароды из «Медеи» и «Ипполита», где хор находится в таком же тревожном состоянии.

Ответ на его вопросы предстояло дать самому Эреxfею, который мог поведать хору о возникшей перед ним нравственной дилемме: нельзя не подчиниться божественному глаголу, но и обречь на смерть родную дочь – нелегкое решение³⁵. Поэтому к первому эпизоду я отношу двустийшие, в котором трудное для перевода греческое понятие αἰδώς передаю словом «стыд»:

Что значит «стыд», и сам я не могу решить:

И нужен он, и – бедствие великое (фр. 56).

Высказывания Эреxfея напоминает размышление Федры в «Ипполите» (385–387) о двух видах αἰδώς. Как я пытался показать в другом месте, там различались αἰδώς, соотносимый с социальным окружением, и αἰδώς, направленный «вовнутрь» человека, предполагающий его ответственность перед самим собой³⁶. Нечто подобное мы видим и здесь: царь и полководец неизбежно испытывает αἰδώς перед соотечественниками, но для отца, поднимающего руку на собственную дочь, он – причина психической травмы, «великое бедствие». Выйти из этого затруднения Эреxfей не может, принеся в жертву вместо дочери приемного сына:

Нет пользы от приемыша. Родная кровь

Для нас дороже ценностей сомнительных (фр. 49).

Об этом приемном сыне, доставившем головную боль не одному исследователю, мы поговорим подробнее ниже, в связи с фр. 53. Сейчас же надо решить, кто произносил эти стихи – сам Эреxfей или Праксифей, с которой он успел поделиться оракулом, полученным в Дельфах. Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы представляем себе позицию обеих сторон. Если Эреxfей только «получил согласие» жены (см. свид. 3), то, вероятно, именно она предлагала сначала компромиссное решение, но встретила отказ со стороны Эреxfея³⁷. Если же она сама, преодолев сопротивление мужа, изъявляла готовность принести в жертву дочь, как это следует из свид. 1 и

³³ Lesky (прим. 9), 368; Webster, 128.

³⁴ Martínez Díez (1976), 5; Webster, 129.

³⁵ Ср. Aesch. Ag. 215–227; Wilkins, 183.

³⁶ Jarcho V. Warum ist die Euripideische Phaidra zugrundegegangen? // Acta classica Universitatis Scientiarum Debrecensis. 1976. V. 12. P. 9–18.

³⁷ Webster, 128.

фр. 50, и даже сопровождала ее к жертвенному алтарю (свид. 4), то фр. 49 надо отдать Праксифее³⁸. Мне представляется более вероятным второе решение; тогда фр. 49 следует поместить перед ее большим монологом, самое подходящее место для которого, естественно, агон. Из агона скорее всего происходил и фр. 51:

Люблю детей я, но не больше родины.

О том же, что происходило между первым эпизодом и пародом, можно только строить предположения, лишённые всякой убедительности, так как никакими свидетельствами на этот счет мы на располагаем.

Пора, однако, обратиться к уже неоднократно упоминавшейся речи Праксифеи, поскольку нас подвела к ней предлагаемая реконструкция. Сначала приведем целиком монолог, обращенный, как это видно из ст. 36 (σέ), к Эрехфею.

- Кто платит благом за благодеяние,
Тот смертным люб. А коль не платят вовремя,
Сочту такой поступок я позорнейшим.
Я ж дочь свою отдам заклать за родину.
- 5 Вот доводы мои. Во-первых, нет нигде
Такого града, чтоб был лучше нашего.
Народ не пришлый собран отовсюду в нем, –
Нет, здесь мы родились, а в городах других³⁹,
Основанных, как в шашечном броске, одни
- 10 Из разных мест еще других с собой везут;
Кто же из другого поселился города,
Не скрепа тот надежная, а щель в бревне:
Не по делам он гражданин, по имени⁴⁰.
Затем, мы для того родим детей себе,
- 15 Чтоб алтари богов спасать и родину⁴¹.
Одним лишь словом город называется,
А граждан много в нем, и мне ли их губить,
Когда могу за всех отдать я дочь одну⁴²?
Я знаю счет: большое больше малого,
- 20 И не сравню страдания одной семьи
С бедой для города, когда он рушится⁴³.
А если б в доме нашем вырос сын, не дочь⁴⁴,
То в городе, огнем войны охваченном,
Ужель на битву я б его не выслала,
- 25 Хоть смерть бы и грозила⁴⁵? Если были бы
Мужского пола дети, то пошли бы в бой,
Как подобает в городе родившимся⁴⁶.
Когда ж в слезах на битву посылает мать
Детей, то только души растравляет их.

³⁸ Aélison, 207; Carrara (1977), 62; O'Connor-Fisser, 157; Kamerbeek (1991), 114; Wilkens, 183.

³⁹ Автохтонность афинян в противоположность собранному отовсюду населению других городов – общее место афинской идеологии. См. *Herod.* VII. 161. 3; *Thuc.* II. 36. 1; 60. 2–3; VI. 17. 2; *Lys.* II. 17; *Plato*, *Leg.* III. 693 a; *Menex.* 237 b, 239 a; *Isocr.* IV. 24 sq.; XII. 124 sq.; *Dem.* LX. 4; *Hyperid.* Epitaph. 7; *Eurip.* *Ion*, 29 sq., 290, 737.

⁴⁰ Ср. *Soph.* OC 782; *Eurip.* *Alc.* 339.

⁴¹ Ср. *Aesch.* *Pe.* 403 sq. Стих. 14 сл. сохранился в латинском переводе в «Эрехфее» Энния: «...чтобы наши дети / Нас при жизни защищали, шли навстречу смерти» (фр. 140 W).

⁴² *За всех одну* – ср. ниже, 34 сл.; *Heracl.* 579. sq.; *Iph.* A. 1387–1390.

⁴³ Ст. 19–21 Остин (*Austin*, 1968, 26) считает вставкой, повторяющей смысл предыдущих ст. 16–18; к тому же склоняется Диггль. Против, Кропп (*Cropp*, 179) полагает, что в них скорее содержится развитие мысли, высказанной в предыдущих стихах.

⁴⁴ См. подробнее ниже, при фр. 53.

⁴⁵ *Eurip.* *Phoe.* 999–1005, 1060 sq.

⁴⁶ *Callin.* fr. 1. 6–11 W; *Tyrt.* Fr. 12 W.

- 30 Мне ненавистны жены, что детей своих
Добру не учат, и внушают жизнь спасать⁴⁷.
И кто в бою погиб среди соратников,
Обрел могилу славную одну на всех –
Моя же дочь, одна за город смерть приняв,
35 Одна венком победным увенчается.
Спасет тебя, и мать, и двух сестер своих, –
Что может быть такой судьбы прекраснее⁴⁸?
Природой дочь дана мне – возвращу ее
Как жертву за отчизну. Если будет взят
40 Наш город, что за польза от детей моих?
А так – не от меня ль он ждет спасения?⁴⁹
43 Коль речь идет о вкладе в дело общее,
Совсем не по душе мне, кто старинными
45 Пренебрежет заветами отцовскими!
Ужели водрузят Евмолп с фракийцами
Трезубец на Акрополе увенчанный
Взамен оливы и Горгоны в золоте⁵⁰,
Палладе отказав навеки в почестях?⁵¹
50 О граждане, берите смело дочь мою,
Спасайтесь, побеждайте! Жизнь одну отдав,
Спасу я город, – как же быть иначе мне?
О родина, когда бы все насельники
Тебя любили так, как я дуюблю, легко
55 Нам всем жилось и горя б ты не ведала⁵² (фр. 50).

Монолог этот заслуживает комментария. Начнем с его построения, вполне отвечающего требованиям современной Еврипиду риторики. За вступлением общего характера (1–3) в одном стихе лапидарно формулируется тема речи (4), после чего Праксифей приступает к ее обоснованию (λογίζομαι, 5), которое делится на три части: две первые (5–13 и 14–21) примерно равны по объему и вводятся, как нередко у Еврипида, наречиями πρῶτα («во-первых»), повторенным дважды, 5 и 7) и ἔπειτα («затем», «во-вторых»)⁵³; третья часть (22–41) начинается сразу с праеоссуратио: если бы у нее был сын, неужели бы она стала скрывать его от войны (22–25)? Затем эта мысль развивается, причем в гибели *одной* дочери Праксифея видит даже известное преимущество: павших в бою хоронят и почитают всех вместе, принесенная же в жертву девушка не будет ни с кем делить свою славу (32–35; ср. также ниже фр. 65, ст. 65–70). Теперь личная судьба Праксифеи включается в рассуждение о судьбе города в целом (43–49), и в заключение снова подтверждается ее готовность пожертвовать дочерью (50–55). Отметим также ряд стилистических приемов. В первую очередь, использование в монологе техники лейтмотивов, известной в греческой поэзии еще со времен Гесиода⁵⁴. Наиболее употребительный из них, естественно, πόλις, судьба которого зависит от решения Праксифеи. Всего слово πόλις применительно к Афинам и противопоставляемым им городам встречается 11 раз (не считая ст. 42); из них четыре раза – в конце стиха (5, 8, 11, 52), два раза – в начале (16, 35), т.е. в наиболее эмфатической позиции. Другой пример лейтмотива, настойчиво повторяемого в очень узких рамках, – прилагательное ἄλλος и производное от него наречие

⁴⁷ Доблесть следует ценить выше жизни: см. *Eurip.* Heracl. 533 sq.; Hec. 347 sq.; Phoe. 1054–1069; fr. 659.

7. Гуссенс (469) справедливо говорит о проявляемой здесь чисто спартанской суровости.

⁴⁸ Ср. *Eurip.* Heracl. 503–506; Supp. 524–527.

⁴⁹ Ст. 42 изымается как подложный, проникший из маргинального схолия к ст. 52. См. *Carrara* (1975), 74.

⁵⁰ См. ниже, фр. 41.

⁵¹ Очевидный намек на противостояние Посидона и Афины за власть над Аттикой.

⁵² К завершению речи ср. *Eurip.* Alc. 323–325; Phoe. 1015–1018.

⁵³ Ср. πρῶτα (πρῶτον) μέν... ἔπειτα: Alc. 751–755; Med. 720 sq.; Hipp. 1335; Supp. 403, 506; Hec. 357; Hel. 270; Ion 1365; Cycl. 3–5, 382–387.

⁵⁴ См. *Ярхо В.Н.* Композиция «Персов» Эсхила // *Eirene*. 1967. 6. Р. 37–39.

ἄλλοθεν (шесть раз в шести стихах, 6–11). Почти с математической точностью (каждые 16–18 стихов) повторяется лейтмотив μία («одна» дочь, 18, 34, 51, приносимая в жертву за всех, – 16, 18, 53). Добавим к этому и другие приемы. Дважды употребляется так называемая figura etymologica: χάριτας... χάριζεται, 1; τέκνα... τίκτομεν, 14. Трижды – сознательная тавтология: εἰς μάχην, 24, 29; τέκνα, 25, 28 (оба раза в конце стиха); σώιζεσθε... σώσω, 51, 52. Примерно таков набор средств, с помощью которых царица рассчитывает убедить супруга.

По содержанию речь Праксифеи, как это видно из параллельных мест, приведенных в ссылках, во-первых, отражает присущее афинянам убеждение в их автохтонности, которая отличает их от населения всех других городов (см. выше о лейтмотиве ἄλλος). Во-вторых, доводы царицы напоминают многие пассажи из других трагедий Еврипида, хотя по некоторой холодности рассуждений уступают сходным высказываниям, особенно при сравнении с «Ифигенией в Авлиде». После открытия Сорбоннского папируса эта их особенность плохо согласуется с патетической реакцией Праксифеи на речь вестника в эклоге и привела исследователей в некоторое недоумение. Однако правильно было замечено, что у Еврипида переход его героинь от эмоций к логическим построениям и наоборот является достаточно частым приемом; он представлен и в «Медее», и в «Ипполите», и в «Гекубе», и в той же «Ифигении в Авлиде»⁵⁵.

Обсужденные фрагменты позволяют нам сделать вывод о содержании речевых частей, занимавших примерно половину трагедии. Пролог: вступительный монолог Посидона и речь Эреxfея о пророчестве, полученном в Дельфах; первый эпизодий: спор Эреxfея с вестником Евмполпа; второй эпизодий: агон между Эреxfеем и Праксифеей, решение о жертвоприношении. В третьем эпизодии следует ожидать реализации этого решения. Разумеется, сам ритуал не мог быть показан на сцене, но вполне к месту были бы предвосхищающие его речи и последующее сообщение о том, как он был совершен. К первой половине эпизодия подошел бы фр. 48:

Нет детям ничего милее матери.

Любите, дети, мать: сильнее нет любви,

Чем это чувство, – к матери своей любовь⁵⁶.

Эти слова можно считать отрывком из речи Эреxfея, который хочет подготовить дочерей к оглашению жестокого решения, принятого в силу крайней необходимости их матерью. Эреxfею отдадут эти слова в большинстве случаев и другие исследователи, хотя и рассматривают их иногда в несколько ином контексте⁵⁷. Ничего другого, более или менее надежного, о ходе действия в третьем эпизодии мы сказать не можем. Неизвестно, была ли обреченная на смерть дочь говорящим лицом или персонажем без слов. Открывали ли ей ее судьбу заранее или уводили на смерть под предлогом участия в священном посольстве (см. свид. 4)? Когда стало известно о клятве сестер уйти всем вместе из жизни? К этому решению несомненно относится фр. 47 («...в одной упряжке три сестры»), но из чьей речи он взят, неизвестно. Можно, конечно, допустить во второй половине третьего эпизодия рассказ вестника о том, как достойно вела себя перед закланием дочь Эреxfея (ср. аналогичный монолог в «Гекубе», 518–582), но все это останется не более, чем предположением. Нет большой уверенности также в атрибуции еще двух фрагментов.

В первом из них, содержащем незаконченное предложение⁵⁸, один персонаж (Праксифея?) готовится к жертвоприношению, другой при виде этого спрашивает:

Из дома высылаешь ты для жертвы смесь⁵⁹, –

А эти «месяцы»⁶⁰ пшеницы зеленеющей...? (фр. 40).

⁵⁵ Di Benedetto (1971), 5–46.

⁵⁶ В оригинале опять сознательная тавтология: ἐράτε – ἔρως – ἐραῦ.

⁵⁷ Carrara, 71; O'Connor-Fisser, 156; Cropp, 178; Webster, 128.

⁵⁸ Kamerbeek (1970), 113 sq., Cropp, 113 sq.; Kamerbeek (1970), 113 sq.

⁵⁹ πέλανον – ритуальная смесь из муки, меда и масла.

⁶⁰ σελήναι – ритуальные круглые лепешки, называемые «луной» или «месяцем» и изготавливаемые из еще не созревшей пшеницы.

В другом фрагменте содержится призыв также неизвестного лица:

Ликуйте, жены! Города защитница,
Придет богиня с золотой Горгоною (фр. 41).

Ясно, что слова эти адресованы женщинам, т.е. предполагают появление в «Эрехфее» дополнительного хора, как хор охотников в «Ипполите» или мальчиков, сыновей «семерых», в «Молящих», или вакханок в «Антиопе»⁶¹. Женщины эти составляли скорее всего свиту Праксифей, но кто (сама царица? вестник?) и когда (до жертвоприношения? после него? вообще вне связи с ним?) к ним обращался, остается загадкой. С несомненностью можно только утверждать, что золотая Горгона – обычный у Еврипида анахронизм, навеянный на этот раз впечатлением от статуи Афины-Девы Фидия, где на щите богини красовалась позолоченная голова Горгоны⁶². Если мы отнесем фр. 41 к концу третьего эпизода, то песнь дополнительного хора, славящего Палладу, могла бы составить содержание стасима, отделявшего этот эпизод от четвертого (и последнего).

С полной очевидностью относится к этому эпизоду второй большой монолог, сохранившийся от «Эрехфея», – наставление уходящего в бой царя своему потенциальному престолонаследнику, т.е. тому самому сыну, существование которого отрицала в своей речи Праксифей. Эрехфей же считает его достаточно взрослым, чтобы воспринимать отцовские советы (см. ниже, ст. 2–3). Чтобы примирить две взаимоисключающие версии, приходится признать этого сына приемным и еще не доросшим до участия в сражениях. На его место у исследователей есть несколько кандидатур – то Кекроп⁶³, то Ион⁶⁴, то Ксуф⁶⁵ – любая из них встречает сопротивление остальной мифологической традиции и нигде не находит подтверждения. Скорее всего этот мотив введен Еврипидом не более, чем *ad hoc*, и для нас гораздо важнее содержание советов Эрехфея, чем личность его приемного сына. Дошедший до нас монолог, как видно из его начала, служил ответом на вопрос собеседника:

- Спросил ты к месту. Я хочу, дитя мое, –
Ведь ты уже разумен, – чтоб отцовские,
Коль я умру, запомнил наставления,
Для благородных юношей полезные.
- 5 Я в краткой речи многое хочу вместить.
Во-первых, кроток будь душой и разумом⁶⁶.
Дав бедным и богатым долю равных прав,
Тех и других заставишь почитать себя⁶⁷.
Одно из мнений двух приняв за истину,
- 10 Его держись; другим пренебреги совсем⁶⁸.
Беги богатств неправедных – царей чертог
Ты сохранишь надолго; если ж в дом вошла
Стяжательства зараза, нет спасения⁶⁹.
Владеть добром старайся: в нем всегда найдешь

⁶¹ Sch. Eurip. Hipp. 58.

⁶² Calder, 152 sq.

⁶³ Martínez D'íez (1975), 238 sq.

⁶⁴ Mette, 114; Treu, 129; Carrara, 33 sq.

⁶⁵ Webster, 129; Van Looy, 122.

⁶⁶ ἥπιος как качество идеального царя см. Od. II. 230–234 = V. 8–12; XIV. 139.

⁶⁷ Ср. Thuc. II. 37. 1; Eurip. Supp. 403–408, 433–436; fr. 626. 1–2.

⁶⁸ Мысль, направленная против софистического положения о том, что по каждому вопросу могут быть выдвинуты два противоположных, но одинаково справедливых мнения. Ср. Supp. 486–488; «Антиопа», фр. 189 (ВДИ. 1996. № 1. С. 225).

⁶⁹ Ср. выше, фр. 44.

- 15 Ты благородство, в нем и брак удачливый,
А в бедности для всех одно бесславие;
Пусть мудр бедняк, почета не стяжать ему⁷⁰.
Друзей приобретай, на речи сдержанных;
От тех, кто льстит тебе для удовольствия,
- 20 Дверь запирай надежными затворами.
Стремись к общению с опытными старцами.
Тех презирай, чьи нравы необузданны:
Услада недолга от скверных радостей.
Не чванься, сын, своею властью царскою.
- 25 Преследуй страсти в гражданах позорные⁷¹;
Пусть петля и железа будут платою,
Кто опозорит честных бедняков детей⁷².
Отнюдь дурных⁷³ сограждан не усиливай:
Заполнив град, разбогатея несправедно,
- 30 Они, как кони, на дыбы взвиваются,
Когда нежданно счастье посетит их дом.
Однако руку дай пожать отцу, мой сын,
И будь здоров. А ласки непомерные
разумный муж предоставляет женщинам⁷⁴.

Отношение к этому монологу в специальной литературе представляется достаточно непоследовательным. С одной стороны, множество параллельных мест (они приведены и в наших ссылках) указывают на серьезный характер жизненных правил, вложенных в уста Эреxfея; очевидно, их родство с более ранней дидактической греческой поэзией («Труды и дни», Солон, Фокилид, Феогнид) как по содержанию, так и по форме. В отличие от риторически построенной речи Праксифеи монолог Эреxfея представляет собой набор житейских правил, каждое из которых умещается в один, чаще – в несколько стихов (6; 7 сл.; 9 сл.; 11–13; 14–17; 18–20; 21–23; 24; 25; 26 сл.; 28–31); без особого ущерба для смысла их можно поменять местами (скажем, ст. 24 в сопровождении ст. 21 поставить после ст. 6; ст. 14–17 – перед ст. 11–13) – от перестановки слагаемых сумма не изменится. Тем более нет необходимости под очевидным влиянием Уэста в поисках прототипа обращаться к наставлениям Ахикара⁷⁵. С другой стороны, с легкой руки Велькера эти стихи стали сравнивать с тривиальной болтовней Полония в «Гамлете» (акт II, 1) и усматривать в них даже ироническое отношение автора к своему герою⁷⁶. Эта точка зрения кажется мне совершенно неправильной. Уже одно различие в ситуации между «Гамлетом» и «Эреxfеем» должно было бы насторожить современных критиков: там Полоний («обыкновенный зануда», по выражению В. Набокова), которому ничто не угрожает, учит своего слугу Рейнальдо, как путем провокации выведать правду о поведении Лаэрта; здесь отец, идущий на жестокий бой, оставляет завещание совершенно неопытному в государственных делах наследнику. Впрочем, русскому читателю в данном случае вообще нет необходимости искать

⁷⁰ Ср. *Eurip. Phoe.* 438–442; *El.* 37 sq., 373–376; *fr.* 395; *Soph.* *fr.* 88 R.

⁷¹ Ср. к наставлению о выборе друзей: *Eurip. Andr.* 683 sq.; *Supp.* 232–234, 894 sq.; *El.* 383–385; *Ion* 62; *fr.* 291. 1 sq.; *Herod.* III. 80. 4; *Isocr.* I. 5. 15 sq., 30; II. 27. Осуждение преступлений на сексуальной почве см. *Eurip. Supp.* 450–455; *El.* 947 sq.; *Thuc.* VI. 54–58; *Isocr.* III. 36; *Arist. Pol.* V. 11. 1314 b 23 sq.

⁷² О бедных, но честных гражданах см. *Eurip. Andr.* 640; *El.* 253; *Or.* 870; *Thuc.* II. 40. 1.

⁷³ «Дурных» (κακοί) – социально-политическая характеристика (ср. *Eurip. Supp.* 423–425; *Arist. Equit.* 186; *Ps.-Xen. Ath. Pol.* I. 5), в которой большинство исследователей видят намек на современных Еврипиду демагогов (*Carrara*, 74; *Di Benedetto* (1968), 77; *Treu*, 130 sq.); Кропп, напротив, усматривает здесь обличение тирании, не имевшее, на мой взгляд, никакого смысла в Афинах в 20-е годы V в.

⁷⁴ Ср. выше *fr.* 50, 28 сл.

⁷⁵ *Cropp.* 181 sq.

⁷⁶ *Austin* (1968), 17; 28 n.; *Goossens*, 122, n. 2; *Van Looy*, 115.

сходство между Еврипидом и Шекспиром; гораздо более убедительна для нас аналогия между фр. 53 и прощальным монологом Бориса Годунова у Пушкина.

Вернемся, однако к нашей трагедии. К четвертому эпизоду обычно относят еще один стих, которым завершался чей-то монолог:

Одним лишь словом речь моя кончается (фр. 54).

Если отдать эти слова Эреxfею, то надо предположить, что после расставания с сыном он произносил еще несколько стихов о своем долге или о грозящей ему опасности, заключением которых и служил обсуждаемый стих. Впрочем, фр. 54 носит настолько общий характер, что мог быть употреблен в конце любого монолога в любом эпизоде.

После ухода Эреxfея опять следует ожидать стасима хора, на этот раз уже основного. От него (опять у Стобея) сохранился небольшой отрывок, напоминающий более известный в античности хор из «Кресфонта», фр. 453.

(Хор афинских старцев)

Пусть бы копье, паутиной обвитое,
Вечно лежало нетронутым, я же, избрав себе
Спутником старость седую, в покое
Песнь заводил, увенчавши венками
5 Волосы белые, а в храме, колоннами
Украшенном, фракийский щит повесил
Афине в дар и развернул
Скрижали, мудростью славные (фр. 60)⁷⁷.

Конец 4-го стасима означает начало финальной сцены – эксода, примерно половина которого известна нам теперь из Сорбоннского папируса (фр. 65)⁷⁸. Из первых же сохранившихся стихов явствует, что дело происходит на афинском Акрополе, где Праксифея и хор ожидают сообщения об исходе сражения:

Но кто, друзья, на кручи скал Палладиных
Известье принесет от войска верное? (ст. 3 сл.)⁷⁹.

На риторический вопрос Корифея хор отвечает лирической партией:

О, когда же смогу я песней победной
Огласить город мой кликом громким: «Пean!»⁸⁰
Когда нагрую я трудом желанным старе руки,
Сливая со сладостным стоном кифары⁸¹
Звучание флейты ливийской?
Да пойдет ли в пляс дева со старцем?⁸² (ст. 5–10).

Здесь как раз приближается вестник («Но вот я вижу к нам от войска вестника», 11 – провозглашает Корифей), после чего колонка обрывается и в тексте образуется лакуна примерно в 10 стихов, в которой содержалось начало диалога в виде стихо-

⁷⁷ Незнакомый Еврипид. Трагедии интриги и случая. Вступ. ст., пер. с др.-греч. и примеч. В.Н. Ярхо // ВДИ. 1995. № 3. С. 254–267.

⁷⁸ Из него дошло 119 стихов, и лакуны между сохранившимися кусками составляют еще свыше 120 стихов. Недостает самого начала эксода и нескольких стихов в конце.

⁷⁹ Первые два стиха – в плохом состоянии.

⁸⁰ Когда же смогу я...? – Ср. Васch. 862.

⁸¹ От «Эреxfея» дошло еще словосочетание «Асийские созвучия» (фр. 64). По объяснению Etymologicon Magnum, имеются в виду звуки кифары. Может быть, для этих слов нашлось бы место в обозначенной выше лакуне, где хор по-своему реагировал на горестное известие?

⁸² Т.е. радость охватит всех граждан, независимо от их возраста: Herul. F. 687– 694; Soph. Trach. 205–215.

мифии между Праксифеей и вестником. В такой форме Еврипид предваряет обычно подробный рассказ о событии⁸³. Продолжение стихомифии – в начале кол. П⁸⁴:

- Вестник: Трофей воздвиг своей рукою собственной
Царь Эреxfей в родной земле над варваром.
Праксифея: Весть хороша, но кто, скажи, убит, кто жив?
15 Вестник: Погиб, ударом в печень поражен, Евмолп.
Праксифея: Супруг мой Эреxfей остался жив иль нет?
Вестник: В сиянии блаженства пребывает он⁸⁵.
Праксифея: Коль жив он и принес победу городу.
Вестник: Свидетели – с врагов доспехи снятые.
20 Праксифея: Так что же, умер он иль видит солнца свет?
Вестник: Он умер, но погибшие со славою
Для нас живей, чем люди недостойные⁸⁶ (ст. 12–22).

На этом текст кол. П обрывается, и перед кол. III надо допустить лакуну размером около 100 стихов. В ней естественно предположить рассказ вестника о самоубийстве двух дочерей Эреxfей и Праксифеи, о ходе сражения, победе Эреxfей над Евмолпом и, наконец, о гибели самого царя, поглощенного, по воле Посидона, землей (см. ниже ст. 59 сл.)⁸⁷. Что касается примыкающей к лакуне нижней половины самой кол. III, то от нее уцелели отдельные слова и словосочетания из ст. 23–32: «... судьба злосчастного... моих дочерей... вы пали ... призывая... из дворца... вид⁸⁸». Скорее всего это – остатки монодии Праксифеи, за которой в начале кол. IV сохранились полтора стиха из ответного плача хора (34–35а). Затем идет новая монодия Праксифеи (35в–44)⁸⁹ и новая строфа хора (45–54). Поскольку текст дошел не в лучшем состоянии, перевод носит несколько приблизительный характер

- Хор
...Део святая!⁹⁰ Несет слез поток, всех влечет нас!
35 Тебя ж как скрутило горе.
Праксифея
О ком мне⁹¹, о чем мне
Раньше стенать? Оплачу ли родину, долю
Двух дочерей⁹², взятых могилою в их одержимости?
Трупы, о горе, увидела, стона достойные!⁹³
Тебя ли, супруг мой, оплачу, под землю

⁸³ Eurip. Heracl. 784–792; Andr. 1070–1085; Supp. 634–649; El. 761–773; Phoe. 1067–1089.

⁸⁴ Текст далее, как и в предыдущей партии хора, кое-где поврежден; перевод сделан с учетом предложенных дополнений.

⁸⁵ Здесь и в ст. 19 вестник старается с помощью эвфемизмов подготовить Праксифею к известию о смерти мужа. Ср. Тро. 268–270.

⁸⁶ От слов: «Но погибшие...» до конца – фр. 52.

⁸⁷ Ср. «Ион», 281. Количество утраченных стихов сравнимо по объему со сценой в «Андромахе», где в финальном плаче стихомифия занимает ст. 1070–1084, а за ней следует монолог вестника размером в 81 стих. См. Austin (1967), 48.

⁸⁸ «Вид» – πρόσφιν (πρός ὅφιν); или «(страшное) зрелище», – вероятно, о телах разбившихся дочерей, которые во время монолога вестника могли внести на оркестру. См. ниже, 38: προσέδω. См. Austin (1967), 54; Carrara, 86.

⁸⁹ На лирическую партию указывает дорическая форма ἀπύουσα вместо аттической ἡπύουσα («призывая», particip. praes. fem.).

⁹⁰ Део, т.е. Деметра. В оригинале Δῆους кáρα, которое Кропп переводит: «Deo's head(?)». Но, может быть, кáра – просто описательное выражение, как Ἰσμενής кáρα, Soph. Ant. 1? Или в утраченном ст. 33 упоминалась «дочь Део», т.е. Персефона, в жертву которой была принесена дочь Эреxfей? См. свид. 2 и Heracl. 409, 490, 601; Herul. F. 1104 (Cropp, 188).

⁹¹ О ком мне... раньше – ср. Phoe. 1524–1529.

⁹² Перевожу по предложению Камербика (Kamerbeek, 1970, 122): ἄταν ὦν...

⁹³ τὰ δάκρυα или κρυέρá, по чтению Камербика, там же. Во втором случае надо перевести «растерзанные».

- 40 Взятого вихрем губительным? Или тебя, кто за город
 Честь приняла нечестивую, славу снискала бесславную,
 Смертью достигнув вершины доблести?⁹⁴
 Гибнем мы, гибнем, о город наш!
 Кто безжалостен так, чтоб над горем моим с воплем слез не пролить?
 Начинается землетрясение, насланное Посидоном⁹⁵.

Хор

- 45 Увы, увы! Мать Земля!... Прочь бегите...
 Где найти конец несчастьям моим?
 Бегите из страны, безумьем гонимые...⁹⁶
 В дикой пляске твердь земная, кровля стонет от ударов
 ... Посидон низвергает на город...
 50 ... несчастья страшнейшие...
 ... беда, разгром, и стены сами падают,
 52 ...войско... мы ж пропадаем...
 54 Бузумием вакхическим охвачен дом!

В ст. 55 на теологейоне появляется Афина и обращается сначала к Посидону, потом, со ст. 63, – к Праксифее. В ст. 58, 62, 75 сл., 81 сл. есть пропуски, в двух последних – весьма значительные. Остальные стихи, по сотый включительно, дошли в таком состоянии, которое любой издатель папируса сочтет идеальным.

Афина

- 55 Прошу тебя, трезубец от земли моей
 Ты отврати, владыка Посидон. Не тронь
 Моей страны и мой любимый град не рушь.
 Не то, пусть боги счастья не дадут тебе⁹⁷!
 Еще ль ты не доволен, что в подземный мрак
 60 Скрыл Эрехфея, дух мой сокрушив сполна?
 Теперь ты ждешь свершений окончательных
подземные.....
 А ты, Кефиса дочь, ты, землю спасшая,
 Услышь Афины речь, не знавшей матери⁹⁸.
 65 Во-первых, объявлю тебе о дочери,
 Что в жертву сей земле супруг назначил твой.
 Устрой могилу там ей, где с дыханием
 Она рассталась, и сестер, что клятву дав,
 Не отступились, девы благородные,
 70 В одной могиле с нею упокой в земле.
 Но души дев в Аида мрак не спустятся:
 В эфире их я поселила облачном
 И нареку в Элладе славным именем,
 74 Чтoб звали их теперь Гиакинфидами⁹⁹.

⁹⁴ Принимаю здесь чтения Дигглы (ερὸν ἀνέρον, ὅσιον ἀνόσιον – к типично еврипидовскому оксюмороу см. Тро. 1315 sq.; Ор. 546 sq.), Колларда (ἀρετὰς) и Кроппа, который предполагает в утраченной половине ст. 42 что-нибудь вроде θ[άνατον παβοῦσα] (Cropp, 189).

⁹⁵ К изображению землетрясения ср. Eurip. Her. F. 904–909; Bacch. 585–603; Aesch. Prom. 1080–1090; fr. 58. В афинском театре оно, вероятно, сопровождалось шумовыми эффектами, едва ли – зрительными.

⁹⁶ Перевод по Камербику ех. гл. Среди мелких фрагментов из «Эрехфея» сохранилась еще глосса «безвыходное» (фр. 61). Может быть, она заимствована из этого хора, но с таким же успехом могла быть отнесена в начальных сценах к положению Эрехфея.

⁹⁷ Стих загадочный. Δοῖεν – неизбежное чтение, θε[οί] в конце стиха – наиболее вероятное. Однако какого счастья могут лишить Посидона боги? См. Austin (1967), 52; Cropp, 190.

⁹⁸ Aesch. Eum. 736; Eurip. Phoe. 666.

⁹⁹ В следующих далее, очень поврежденных стихах 75 сл., как полагают, Афина объясняла происхождение этого имени. См. Austin (1967), 56; Carrara, 87; Cropp, 191 sq.; Kamerbeek (1970), 126; Treu, 122.

- 77 ...Страну спасла; а я велю всем гражданам
Их каждый год закланьями обильными
И жертвой почитать в один и тот же срок
- 80 С хорами юных дев, их прославляющих.
И знайте: если в землю вашу с войском враг¹⁰⁰
Войти захочет, вы перед сражением
Тех дев должны почитать начальной жертвою,
Не пользуясь ветвями виноградными,
85 Ни их плодом, а пчел одних добычею
С водою свежей вместе. Недоступным вы
Участок сохраняйте этих девушек.
Пусть тайно враг им жертв не принесет. Ему
К победе это будет, вам же к бедствию.
- 90 Поставь алтарь за каменными стенами
Супругу твоему в середине города, –
Священным Посидоном будет зваться он,
Его сгубившим, и под этим именем
Пусть славят Эреxfея гекатомбами.
- 95 Тебя ж, устои града сохранившую,
Моею жрицей назовут, и жертвами
От города украсишь алтари мои.
Ты слышала, что должно в сей земле свершить.
И то, что в небесах назначил Зевс-отец,
- 100 Скажу тебе. Евмолпа, здесь погибшего,
Другой Евмолп...

С последним стихом мы оказываемся уже на кол. VIII, от которой сохранились только начала строк 101–119. Первые 17 завершают речь Афины: «Деметра... Кому стать должно... Женившись... (105) Одну из них... Гидами... Созвездий... Део... (110) Запретные... И труд... Почтенных... Гермеса... Керики... (115) Но прекрати... И жалобные вопли... О том, что...». Последние два стиха – начало ответа Праксифей: «О госпожа... жалобы...». Здесь папирус обрывается, но, по аналогии с другими трагедиями, можно быть уверенными, что до конца остались считанные строки¹⁰¹.

По своему построению речь Афины мало чем отличается от монологов других богов, выступающих в финале трагедий Еврипида. Сначала они называют себя¹⁰² и объясняют причину своего появления (в «Эреxfее» в обратном порядке: ст. 55–62, потом ст. 64); затем обращаются к находящемуся на оркестре персонажу (63–64)¹⁰³ и дают ему указание, что он должен делать (65 сл.)¹⁰⁴. Обычно это касается похорон и следующего за ними установления культа (67–89 – о дочерях; 90–94 – о самом Эреxfее)¹⁰⁵, после чего божество переходит к судьбе того персонажа, который

¹⁰⁰ Плохо сохранившиеся ст. 81 сл. переведены с учетом предложений Камербика (1970), 126 и Троя, 123.

¹⁰¹ *Aélion*, 203. До конца трагедии после завершения монолога *deus ex machina* остается стихов: в «Ипполите» – 25, в «Елене» – 13, в «Андромахе» и «Ифигении в Тавриде» – по 10, в «Молящих» – 8, в «Ионе» – 4, в «Электре» и «Оресте» – по 3.

¹⁰² *Eurip.* Hipp. 1285; Andr. 1232; Supp. 1183; Ion 1554–1556; Iph. T. 1436; El. 1239 sq.; Hel. 1643 sq.; Or. 1626.

¹⁰³ *Eurip.* Hipp. 1431; Andr. 1238, 1253; Supp. 1213; Iph. T. 1462; El. 1250, 1273, 1276, 1288; Hel. 1662; Or. 1627, 1643; Bacch. 1338.

¹⁰⁴ Ср. *πρώτα μὲν*: Andr. 1233; Antiope, fr. 10, v. 68 (Page, GLP); см. ВДИ. 1996. № 1. С. 230; ср. *Soph.* Phil. 1418. Предписания без указания на первоочередность: Supp. 1185–1195; Ion 1571–1575; Iph. T. 1437–1445; El. 1249–1251, 1284–1287, 1342–1346; Hel. 1656 sq.; Ion 1571–1575, 1601–1603; Or. 1643–1652.

¹⁰⁵ *Eurip.* Med. 1378–1383, при том, что похороны она берет на себя; Andr. 1239–1242, 1263 sq.; El. 1276–1280.

остался в живых (95–97)¹⁰⁶. Далее следует предсказание о более отдаленных событиях (в нашем случае – учреждении Элевсинских мистерий, 99–114) и совет воздержаться от излишних эмоций¹⁰⁷ (115–117).

Содержание этого монолога заслуживает более подробного обсуждения, так как оно позволит подойти к выводам о трагедии в целом.

Прежде всего, впервые становятся известны подробности отправления культа Гиакинфид. До сих пор сведениями о нем мы были обязаны Павсанию (I. 26.5), Фотию (см. свид. 7 со ссылкой на Фанодема) и схолию к ст. 100 «Эдипа в Колоне» (со ссылкой на Филохора), из которого следовало, что дочерям Эреxfея, как и Евменидам¹⁰⁸, приносили так называемые «бесхмельные жертвы», т.е. не только возлияния совершались не вином, а смесью проточной воды с медом, но и для разжигания костра запрещалось употреблять хворост от виноградника и смоковницы¹⁰⁹. Теперь мы имеем подтверждение этому в ст. 84–86 из «Эреxfея». Культ Гиакинфид во времена Еврипида соблюдался, видимо, не очень аккуратно: отсюда в словах Афины указание чтить их ежегодно, не пропуская положенного срока (78 сл.). Могила их будет иметь апотропическое значение: при попытке нападения на Аттику извне им следует принести самые первые жертвы (81–83)¹¹⁰ и не допускать жертвоприношения со стороны врага (88 сл.). Что касается их наименования Гиакинфидами, то наиболее простым представляется объяснение Фанодема – от Гиакинфова холма, на котором, по свид. 7, были принесены в жертву две сестры. Откуда происходило название самого холма – другой вопрос, для нас в данном случае не имеющий значения. Отождествление Эреxfейд с Гиакинфидами (107), о чем было известно из схолии к Арату, 172, является, вероятно, нововведением самого Еврипида¹¹¹.

Если изображение в «Эреxfее» культа Гиакинфид никаких споров в литературе не вызвало, то вокруг ст. 90–94 развернулась целая полемика. Одни считают, что за предписанием Афины обнести алтарь (σηκόρς). Эреxfея каменными стенами (περιβόλοις λαίνοις) следует видеть прямое указание на начавшуюся постройку Эреxfейона¹¹², другие, наоборот, рассматривают эти слова как побуждение со стороны Еврипида к ее началу¹¹³. Не ясным остается также вопрос об отождествлении Эреxfея с Посидоном, которое явно вытекает из ст. 92–94, – было ли оно общепризнанным уже во время Еврипида или является проекцией в будущее? По поводу первого разногласия мы говорили выше (см. прим. 5). Что касается связи Эреxfея и Посидона, то она имела, по-видимому, достаточно древнюю историю, поскольку оба были связаны с хтоническими представлениями (ср. эпитеты Посидона ἐνοσίχθων, ἐλελήχθων, σεῖσιχθων). В наиболее древней надписи IG.I², 580 (460–450 гг.) их имена стоят рядом. Вероятно, здесь опущен союз καί, как опущен он и между именами двух дарителей¹¹⁴, но из двух более поздних надписей (IG. II², 1146 – середина IV в.; ibid. 5058 – II в. до н.э.) следует, что их культ обслуживался одним жрецом. В храме, первоначально посвященном Афине-Полиаде и только позже получившем название Эреxfейона, целла Эреxfея соседствовала со следом от трезубца Посидона и источником соленой воды, начавшим бить, по преданию, по его же приказу. Жертвы обоим приносились на одном и том же алтаре¹¹⁵. Таким образом, нет ничего удивительного в

¹⁰⁶ Eurip. Hipp. 1431–1434; Andr. 1243–1262; Supp. 1214–1216; Iph. T. 1446–1474; El. 1252–1275; Hel. 1664–1679; Ion 1589–1594; Or. 1655–1665; Bacch. 1330–1339.

¹⁰⁷ Eurip. Andr. 1270; El. 1320. С ответом Праксифей (118 сл.) ср. Supp. 1227; Or. 1670, 1679.

¹⁰⁸ Aesch. Eum. 107; Soph. OC 100, 158–160, 480 sq.

¹⁰⁹ Ср. Bingen, прим. 3, В.

¹¹⁰ Ср. Soph. OC 92 sq., 616–628, 1518–1525; Eurip. Heracl. 1032–1037; Supp. 1208 sq.

¹¹¹ Cropp, 153, 194,

¹¹² Austin (1967), 17; (1968), 22; Calder, 156; Prestipino, 16 sq.; Treu, 125.

¹¹³ Clairmont, 490; Lacore, 223, 225.

¹¹⁴ Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. 2. Aufl. München, 1955. S. 449. Anm. 3; иначе: Austin (1967), 59.

¹¹⁵ Lacore, 218–220, 226 sq.

том, что Еврипиду местный аттический герой представлялся после его обожествления ипостасью Посидона. Во всяком случае такое отождествление значительно повышало его авторитет и отвечало общему направлению мыслей автора в годы Пелопоннесской войны. Вместе с тем сближение Эрехфея с Посидоном позволяло также уладить отношения между богом-землеколебателем и Афиной. Неизвестно, какую роль играло в «Эрехфее» противостояние двух богов в их борьбе за первенство в Аттике; мнение, что оно являлось «существенным узлом трагического конфликта»¹¹⁶, вероятно, сильно преувеличено. Однако опасение Праксифеи в ее большой речи, ст. 46–49, что в случае победы Евмолпа трезубец заменит на Акрополе оливу, тоже заслуживает внимания. Посидон, сначала покровительствовавший Евмолпу, и Афина, провозглашающая обожествление Эрехфея, явно идут на мировую, подобно тому, как это произошло в отношениях между Эриниями и той же Афиной в эсхиловских «Евменидах», хотя там и конфликт был гораздо напряженней, и примирение обставлено более торжественно.

Еще одна культовая легенда связана с Праксифеей, которую Афина назначает своей жрицей (95–97). В историческое время жреческие обязанности в культе Афины-Полиады исполняли представители рода Этеобутадов, возводившие свою родословную к легендарному Буту, по одной из версий¹¹⁷, брату Эрехфея. Делая первой жрицей Афины невестку Бута, Еврипид и здесь приближается к реалиям афинской культовой практики¹¹⁸.

Последний шаг в этом направлении – учреждение Элевсинских мистерий, происходящее на еще более высоком уровне, а именно по воле Зевса (100–117). С этим актом уже в гомеровском гимне к Деметре, 473–475, связывалось имя Евмолпа. Поскольку же, по еврипидовской версии, Евмолп погиб в бою, поэтому пришлось воспользоваться другим вариантом, сохранившимся в схолиях к ст. 1053 «Эдипа в Колоне» со ссылкой на жившего, вероятно, в IV в. до н. э. историка Андрона из Галикарнасса или Эфеса (FGrH 107 F 13): «От Евмолпа родился Керик, от него Евмолп, от того Антифем, от него же поэт Мусей, а от того Евмолп»¹¹⁹, установивший мистерии и ставший гиерофантом». Соответственно в ст. 101 Уэст предложил дополнение: «Другой Евмолп (из поколения пятого)». В начале ст. 102 можно предположить: «От Деметры (научится обряду...)». Вполне соответствуют этому ходу мысли и другие дошедшие слова: «Запретные»¹²⁰ таинства «почтенных»¹²¹ богинь, т.е. Деметры и Керы, имена Гермеса и Кериков, чьим родоначальником он считался, а Керики, как известно, были так же тесно связаны с Элевсинскими мистериями, как и Евмолпиды¹²².

Подводя итог обзору фрагментов «Эрехфея», мы можем сказать, что эта трагедия не открывает новых граней в наследии Еврипида, но обогащает наши представления о его творчестве и известной эволюции художественных приемов.

Во-первых, что бросается в глаза, это – божественное обрамление, которое до сих пор было известно только в двух трагедиях: «Ипполите» и «Ионе»¹²³. При этом удастся установить некую градацию во взаимоотношениях предстающих перед зрителем богов. В «Ипполите» Киприда и Артемиды олицетворяют две откровенно враждебные силы. Месть Афродиты вызвана пренебрежением Ипполита к ее дарам и его при-

¹¹⁶ Austin (1967), 19; Lacore, 217; ср. Kamerbeek (1991), 112; Van Looy, 120; Prestipino, 14; Treu, 119.

¹¹⁷ Apollod. III. 15.1.

¹¹⁸ Ср. также в финале «Ифигении в Тавриде», 1462 сл., учреждении культа Артемиды в Бравроне и назначение ее жрицей Ифигении.

¹¹⁹ Ср. Marmor Parium (FGrH Teil II. Lief. 3. Berlin, 1929; repr.: Leiden, 1962. № 239, 27–29) – учредил мистерии, по нынешнему летоисчислению, между 1397 и 1373 гг. Евмолп, сын Мусея.

¹²⁰ ἀρρητά, ср. Arist. Nub. 302.

¹²¹ σεμνών.

¹²² Ср. в словаре Суды: «Κήρικες. Род в Афинах, называемый от Керика, сына Гермеса»; у Павсания I. 38.3: «...Когда Евмолп скончался, младшим из сыновей остался Керик, про которого сами Керики говорят, что он сын Аглавры, дочери Кекропа, и Гермеса, а не Евмолпа».

¹²³ Austin (1967), 19; Kamerbeek (1991), 111 sq.; Prestipino, 14.

верженностью Артемиде, которую герой демонстрирует при первом же своем появлении на орхестре, сразу вслед за монологом богини. В свою очередь Артемиде грозит отомстить Киприде, погубив наиболее дорогого ей из смертных (1420–1422). Мы не знаем, насколько враждебно был настроен Посидон в отношении Афины в прологе «Эрехфея», но ее речь выдержана в достаточно спокойных тонах; обращаясь непосредственно к Посидону, она ничем ему не угрожает. Установление культа Посидона-Эрехфея также свидетельствует о мирном разрешении конфликта. В «Ионе» и вовсе нет никакого противопоставления двух богов. Речь Афины в финале служит как бы завершением монолога Гермеса в прологе: там он сообщал о прошлом, здесь она предсказывает будущее, и между двумя этими полюсами расположено действие трагедии, протекающее, естественно, в настоящем.

Во-вторых, появление богов в прологе и эксодe, как и их участие в дальнейшем, остаются во всех трех трагедиях не более, чем начальным толчком для событий, в которые вовлечены люди, действующие по собственным побуждениям и им подчиняющиеся. Бог, в лучшем случае, только инициирует конфликт: Киприда, возбудив преступную страсть в душе Федры; Аполлон, дав устами Дельфийского оракула страшное пророчество Эрехфею; тот же Аполлон, выбрав исполнителями своего плана не подозревающих этого Ксуфа и Креусу. В остальном трагедия Федры и Ипполита, Эрехфея и Праксифей, крушение всех надежд Креусы и последствия этого вытекают из их собственной жизненной позиции и приводят к принятию решений, соответствующих их душевному состоянию. И опять мы можем наблюдать постепенное смягчение результатов этих решений. В «Ипполите» погибают оба антагониста; в «Эрехфее» смерть настигает героя уже после его победы, а жертвоприношение дочери по крайней мере не является бессмысленным; в «Ионе» и сам он, и Креуса, хоть и были на грани гибели, остаются в живых, обретя друг друга.

Наконец, во всех трех трагедиях в конфликте участвует еще третий персонаж, и роль его постепенно теряет драматическую напряженность. В «Ипполите» это Тесей, своим проклятием губящий ни в чем не повинного Ипполита и узнавший с роковым опозданием о бессмысленности этой потери; в «Эрехфее» — царица, приносимая в жертву ради победы в войне (самая тяжелая утрата в дошедших до нас фрагментах, это то, что остается неизвестным ее собственное отношение к необходимости жертвоприношения: преобладали в ней страх, как у эсхилловской Ифигении, «Агамемнон», 238–258, и в первой половине «Ифигении в Авлиде» у Еврипида, или сознательная решимость, как у Макарии в «Гераклидах» и у той же Ифигении во второй половине еврипидовской трагедии?). В любом случае дочь Эрехфея оставалась фигурой страдающей, а не действующей, как Тесей. Наконец, роль Ксуфа в «Ионе» — вовсе служебная, и в конфликт он ни в какой мере не втянут.

По развиваемой в трагедии идее патриотического самопожертвования «Эрехфей», что было известно и раньше, напоминает как близкие к нему по времени создания пьесы («Гераклиды» и «Молящие»¹²⁴), так и поздние («Финикиянки», «Ифигения в Авлиде»). Установление более тесного сходства затрудняется тем, что, как уже сказано, роль самой царской дочери в «Эрехфее» нам совершенно не ясна. Вместе с тем нельзя забывать и другое: «Молящие» и «Эрехфей», созданные во второй половине Архидамовой войны, при всей их патриотической направленности, отнюдь не служат прославлению войны как таковой. Хотя Ди Бенедетто несколько преувеличивает ситуацию, говоря об «антивоенной пропаганде» в этих трагедиях¹²⁵, он прав в том, что Еврипид не останавливается перед изображением мрачных последствий войны. В «экономии Афинам», как названы «Молящие» в плохо сохранившемся ὑπόθεσις к ним, вся последняя треть занята в сущности погребальной церемонией с оплакиванием погибших. Конечно, нападавшие на Фивы стали жертвой собственного

¹²⁴ В датировке «Молящих» 424-м годом я исхожу из аргументов, выдвинутых в кн.: Zuntz G. The Political Plays of Euripides. Camb., 1965. P. 88.

¹²⁵ Di Benedetto (1968), 73–75; более взвешенная оценка у Aélion, 214–216.

безрассудства в несправедливой войне, но упрек этот следует адресовать в первую очередь Адрасту (как и поступает Тесей, ст. 219–237); собранные же им полководцы изображены, вопреки эсхилловской традиции, в самых благожелательных тонах (857–910). И уж во всяком случае невинными жертвами войны предстают в «Гекубе» Поликсена и Полидор, которых горько оплакивает героиня трагедии (154–176, 585–603, 681–706). К этому следует теперь прибавить монодию Праксифеи в эксоде «Эрехфея». Не будет преувеличением, если мы скажем, что уже в трагедиях второй половины 20-х годов вызревает будущий замысел «Троянок».

ERECHTHEUS, A TRAGEDY BY EURIPIDES

V.N. Yarkho

Until early 1960ies Euripides' tragedy *Erechtheus* staged, as it seems, in 422 BC, had been known chiefly due to a long monologue of Praxithea, Queen of Athens, cited in full by Leokrates in his speech against Leochares, ch. 98 (v. s. fr. 50). Together with a less known monologue of Erechtheus preserved in Stobaeus (III. 3, 8; v.s. fr. 53) and some moralizing quotations rendered indirectly, the number of surviving verses amounted to 130. The situation changed in early 1960ies, when a group of students directed by A. Bataille discovered in the mummy cartonage, which had already given the world fragments of Menander's *Sicyonios*, eight papyrus columns containing 119 more or less preserved verses from the exodos of *Erechtheus* (P. Sorb. inv. 2328, ca. 250 BC, v.s. fr. 65), 80 of them sufficiently reliable for reading and understanding. Five years later the new papyrus was excellently edited by C. Austin (v. s. n. 3A). This fact provided the scholars with an opportunity of a new comprehensive approach to the tragedy. Though the 200 verses at our disposal hardly constitute one sixth of the whole text (in Euripides tragedies staged in the 2nd half of 420ies the number of lines varies from 1234 to 1295), and many problems concerning the dramatic development remain unsolved, nevertheless, with the help of several later sources (v. s. evidence 1–7) we may draw some cautious conclusions about the main idea of the tragedy and its action.

The plot of the tragedy is close to that of other extant tragedies by Euripides in which he developed, for a period of 25 years (from *Heracleidae* (430) to *Iphigenia Aulidensis* staged after his death) the motif of patriotical self-sacrifice. In these tragedies a young person, usually the king's daughter, has to be sacrificed for the good of the motherland. Thus, in *Erechtheus* Athens could only be rescued from the foreign invasion, according to Apollo's oracle, at the price of the life of King Erechtheus' daughter. In the extant fragments we see the king's wife declaring her readiness for the sacrifice, the king leaving his behest to his successor, Athena giving instructions to Praxithea after her husband's death in battle. Unfortunately, the role of the daughter doomed for death remains unknown. Drawing an analogy from Macaria, Menoeceus and Iphigenia we can infer that she expressed her good will to be sacrificed, but we have nothing to prove it with. Whatever the girl's attitude could be, it did not release her parents from the necessity of tragic choice.

The article presents a translation and a commentary on all the extant fragments and evidence enabling the author to reconstruct the action and to demonstrate (in comparison with Euripides' extant tragedies) dramatical and stylistic peculiarities of *Erechtheus*.